

Кино, как свечка, отгорело

Питер Гринуэй уверен, что экран, пленка и люди принадлежат прошлому

Кино умерло, и его нужно изобретать заново — с этого заявления начался IX Открытый конкурс студенческих и дебютных фильмов на соискание национальной премии «Святая Анна». Сенсационное заявление сделал на своем мастер-классе для будущих кинематографистов английский режиссер Питер Гринуэй, немало изумленный тем, что его фильмы в России так хорошо известны.

Известие. — 2002. — 12 март. — с. 9.

Валерий КИЧИН

ЧЕТЫРЕ ТИРАНА. По теории Гринуэя кино погубили четыре тирана: оно привязано к слову, отчего стало иллюстрацией к литературе и пристройкой к книжной лавке; оно сковано четырехугольным экраном и завидует архитектуре, не знающей таких ограничений; оно служит игрищем для актеров («в моих фильмах актер — лишь неизбежное зло», — признал мэтр); наконец, оно привязано к кинокамере, которая способна фиксировать лишь ничтожную часть окружающего мира. Все это привело к тому, что кино умерло уже в тот момент, когда первый пульт дистанционного управления позволил зрителю выключить телевизор. А к новому веку оно стало совсем скучным, монотонным и управляет исключительно деньгами. Об этом кино, считает мэтр, нужно забыть, как люди забыли о немом кинематографе, и пытаться найти

новый язык, основанный на новейших технологиях.

КОГДА ЧЕШЕТСЯ — НАДО **ПОЧЕСАТЬ**, уверен Питер Гринуэй и, как может, борется с четырьмя тираниями. В ходе его недавнего эксперимента в Боломне толпа, собравшаяся на Пьяцца Маджоре, увидела «круговое кино» — оно шло на фасадах домов, обрамляющих городскую площадь. Там не было традиционного экрана и не было ограниченного кадра — зритель сам выбирал, куда и на что смотреть. Тропинки в будущее уют и такие революционные киносистемы, как IMAX, где экраны столь велики, что уходят за пределы нашего видения. Питер Гринуэй признал, что подобные опыты с гигантским полиэкраном уже использовались в прошлом — от фильмов Абея Ганса до выставок масштаба ЭКСПО, но не привели к рождению нового искусства. Тем не менее он верит, что именно здесь будущее.

ИНТЕРАКТИВНОЕ КИНО. Гринуэй не снимает фильмы уже

три года — так велико его раздражение нынешним кино. Все это время режиссер занимался другими проектами — ставил оперы, запускал веб-сайты и DVD. Весь новый опыт он вложит в проект *Tulse Luper Suitcase*, ради которого прилетел в Россию, — этим восьмичасовым фильмом Гринуэй хочет сказать гуд-бай целлулоидному кино и начать новую историю. «Я понимаю, что восемь часов просмотра — самоубийство для проката, — объясняет мэтр. — Возможно, это будут три-четыре двухчасовые ленты, которые можно смотреть в разное время или показать по ТВ как сериал. Это фильм для зрителя, который часами сидит в Интернете, смотрит телевидение, покупает DVD и очень много читает. Я считаю такой проект явлением посткинематографа или метакинематографа, который оставит традиционное кино далеко позади».

КИНОЗАЛ — **ПЕЩЕРНОЕ ЗРЕЛИЩЕ.** Сегодня 70 процен-

тов зрителей мира смотрят кино по ТВ, 20 — покупают видеокассеты и DVD и только 10 процентов ходят в ближайший кинотеатр. Поэтому уже через десять лет, утверждает Питер Гринуэй, кино, предназначенное для залов, — все эти «Звездные войны» и «Властелины колец» — станет такой же архаикой, какой сегодня выглядела бы лекция со слайдами, спроецированными с помощью керосиновой лампы. Кинематограф содержательный также уходит в прошлое — содержанием фильма становится сам его язык. С развитием Интернета все большее число людей эмигрирует в киберпространство. И надо ожидать, что информационные технологии скоро перестанут быть только носителями информации — будут явлением эстетическим и творческим. Нас ждет киберактивное кино, и готовиться к его приходу нужно уже теперь, — призвал мастер своих молодых слушателей.

● СПРАВКА «ИЗВЕСТИЙ»

С появлением в кино звука Чаплин заявил, что кинематограф умер. Приход цвета породил множество некрологов по поводу кончины кино. Михаил Ромм уверял, что театр уже мертв, а кино страдает от тирании музыки, и программно отказался от нее в «Девяти днях одного года». Сергей Образцов в конце 60-х похоронил оперу с балетом как нелепый архаизм. «Истории нет — есть только историки», — напомнил Гринуэй, явно не имея в виду себя.